

Pine Bar

Диана Балыко

Монопьеса

(фантазия на свободную тему)

Действующие лица:

Мария – около 40 лет

Место действия – дорогой бар для элитарной публики.

Интерьер стильный, изысканный, ненавязчивый.

На черном кабинетном рояле стоит статуэтка черного кота.

Приглушенная музыка.

За окнами ночь.

Одиноко за столиком в странной позе сидит, как манекен, захмелевший посетитель.

На маленьком диванчике покуривает трубку седой джентльмен – Эдвард Стоун – в его костюме что-то неуловимо напоминает полицейскую форму. Но вот что?

За барной стойкой застыл старший бармен Норберто Андраде – пожилой мужчина.

В дверях классический английский швейцар, погруженный в свои мысли или в... сон...

В платье «в пол» из легкой струящейся ткани по бару проплывает то ли женщина, то ли привидение... Это Мария.

Радио

Неожиданно включается радио. Бодрый голос диктора вещает: Вновь открылся Pine Bar в отеле Millennium в Мэйфэйре. В этот понедельник заведение без малейшей шумихи открыло двери для публики. Трудно понять, насколько сознательно владельцы избрали для интерьера мрачноватый стиль. (Мария обходит зал по периметру, прикасаясь руками к деревянным стенам) Сосновые панели, которыми были облицованы стены небольшого зала, заменены ореховыми, насыщенных тонов, (Мария пересекает зал по диагонали, маневрируя между столиками, идет по ковру) а кричаще-пестрый ковер уступил место более изысканному, в темную полоску. (Мария останавливается у рояля, откидывает крышку, легко касается пальцами черно-белых клавиш. Звука нет. Привидение в материальном мире людей бессильно издавать звуки: оно должно хранить свои тайны. К тому же привидение – всего лишь полет нашей безудержной фантазии. Потому что привидений нет... Даже если они есть) Единственное яркое пятно – розовые цветы в вазе на черном кабинетном рояле. (Мария подходит к Норберто, приглашает его на танец, но бармен безучастен, как манекен. Кажется, он не верит в приведения) Многоопытный старший бармен, Норберто Андраде, снова в строю: «Посетителей много, – сказал он нашему корреспонденту, – но их и раньше всегда было много». Прогнозам, что бар извлечет выгоду из своей скандальной славы, стараются не придавать особого значения. (Мария начинает танцевать одна, вначале медленно и неуверенно, постепенно все больше входя во вкус, смакуя и отдаваясь каждому движению. Она приглашает на танец каждого... Но лишь Эдвард Стоун решается составить ей компанию) И все-таки по Лондону уже поползли слухи, что в Pine Bar-е появилось приведение женщины... Ночью она... простите... оно играет на рояле, танцует, поет, смешивает себе коктейли, беседует с охраной, смущает черного кота... Приведение-женщины разговаривает с захмелевшими посетителями. В баре уже появился один постоянный клиент... приведения... -- Эдвард Стоун. Он ежедневно приходит за полчаса до закрытия, пропускает несколько фирменных коктейлей и начинает вести беседы с якобы «русской танцовщицей Марией

Харитоновой». В свое время г-н Стоун являлся детективом Скотленд Ярда, но был уволен из Лондонской полиции за чрезмерное употребление алкоголя, что категорически не соответствует образу стража британского правопорядка.

* * *

Мария перестает танцевать, как тряпичную куклу, усаживает бывшего детектива на диван, с которого его и подняла, садится рядом: Ну, конечно, кто поверит сошедшему с ума детективу и странному приведению в образе женщины... *(кокетничает)* Скажите, сэр, я ведь еще могу? ...могу заставить трепыхаться птичку в клетке? ...и не смотрите на меня так придирчиво! Я вовсе не сороколетняя дура! Я – восемнадцатилетняя девушка... с двадцатилетним стажем... с двадцатидвухлетним... Впрочем, все это мелочи. Оцените, док, как я танцую... Как же я танцую на столе... *(Мария, как бабочка, взлетает на соседний столик, изображает стриптиз, комикует, смеется)* Да... Ничто не может сдержать напора красоты...

Butterfly

Детектив не реагирует, Мария успокаивается, садиться на стол, болтает ногами: Вам скучно со мной? Нет! Это не правда. Я знаю, что вы любите... Я вообще знаю, что любят мужчины... Они любят сказки... и никогда в этом не признаются... Тише-тише, Эдвард, не надо спорить. Ведь нас никто не слышит. Я расскажу вам историю, над которой вы безуспешно ломаете голову. И в ней будет не одна сказка... А тысяча и одна... Я не Шахерезада. И даже не Мата Хари, хотя Саша меня так называл. В шутку. Ну, какую еще можно придумать кличку для информатора Марии Харитоновой? А еще он говорил: спокойно, Маша, я Дубровский... ..и резко опрокидывал меня на кровать... Ради этих слов, ради чужих кроватей в гостиничных номерах я мчалась в Лондон, стремилась к нему всем своим существом, придумывала командировки, важные дела и свое танцевальное шоу «Butterfly». Почему «Butterfly»? Вам, правда, интересно, детектив? Вам важны такие мелочи? Поверьте, это не имеет отношения к делу... Ну, хорошо, я скажу.

Я мечтала о своем шоу много лет. Еще в Союзе. Еще в те совдеповские времена, когда процветал социализм. Отнять у богатых и недодать бедным... Простая арифметика. Частное шоу в Питере было невозможно, а от предложений танцевать в ансамбле песни и пляски Советской армии или учить детишек в танцевальном кружке меня просто рвало. Рвало на Родину. Как Штирлица.

Когда мы познакомились с Захаром, он пошутил:

-- Твоя мечта исполнится, Золушка! ...и ты будешь танцевать на королевском балу... как настоящая принцесса. Но запомни, если ты вовремя не покинешь бал, ровно в полночь превратишься в обыкновенную ночную бабочку.

Я запомнила его слова. Night moth... Butterfly... Ведь это он, Круговой, а не Саша, спонсировал все мои прихоти, иллюзии и романы.

Любая реальность, как правило, строится из обломков иллюзий... Вам еще не надоело, детектив? Остановите меня, если станет скучно...

Бабушка

Мария встает, направляется за барную стойку, смешивает два коктейля – себе и Андраде: Знаете, почему русские так много пьют? Мы греемся: у нас суровый климат. Как говорят в России, любая погода в месте пребывания русских считается суровым климатом. Так и сегодня - погода прекрасная, а климат суровый... *(чокается, выпивает)* За удачу! А все остальное – к чертовой бабушке!

Моя бабушка была человеком набожным. Она молилась утром и вечером. Благословляла каждый день, благодарила бога за каждый кусок пищи... Я воспитывалась у бабушки в Вологде с пяти лет и была нервным ребенком.

— Ба, можно я поиграю в песке?

— Нет, ты испачкаешь одежду.
— Ба, можно я побегаю под дождем?
— Нет, ты вымокнешь и заболеешь.
— Ба, можно мне поиграть с другими детьми?
— Нет. Тебя могут обидеть.
— Ба, купи мне мороженое.
— Нет. Ты простудишь горло.
— Ба, можно мы возьмем домой эту кошку?
— Нет. Наверняка, у нее лишай. Вымой руки!
И тут я начинала реветь. А бабушка била меня ладонью и вздыхала:
— Боже мой! Ну, где еще найти такого нервного ребенка? Господи, за что мне все это?

Родители

Мария выпивает второй коктейль: Все это – в виде меня – она получила лишь потому, что моих родителей посадили в тюрьму за сделки с недвижимостью. В Питере. Тогдашнем Ленинграде. Сегодня их бы назвали риэлторами. Сегодня так и называют мою 60-летнюю мать. Да-да, она еще по старой памяти приторговывает квадратными метрами... Горбатого могила исправит. Тогда, в матерой Совдепии, мои родители оказались барыгами и спекулянтами. А сделок-то было – смешно сказать – несколько обменов да пару фиктивных браков, чтобы вырвать свою собственную квартиру в северной столице. Матери впаяли шесть. Отцу - семь. Так время откатилось назад. И я оказалась в Вологде, откуда бежали мои родичи.

А как все красиво начиналось... Мама готовила меня к светлому будущему... совсем не советскому – английский с трех лет, танцы – с четырех. (*Мария легко подхватывает Норберто и начинает вальсировать с ним по залу. Черно-белые клавиши рояля вздрагивают, словно под пальцами невидимого пианиста. Начинает звучать музыка.*)

Планировали купить рояль, как в интеллигентной семье, и устроить меня в музыкальную школу... Все пошло прахом.

Последнее радужное воспоминание из детства. Мне было пять... Как раз перед...

Я вас еще не достала, Норберто? Я все время боюсь быть навязчивой. Не хочу надоесть. Так вот мы с родителями пошли в театр. В Ленсовет. На какую-то взрослую постановку. Они всюду брали меня с собой.

-- Нельзя потакать всем капризам. Держи девку в строгости. Она тебе на шею сядет, -- ругалась бабушка.

– Я знаю, зачем балую дочь, -- защищалась мама в ответ.

О чем это я? Ах, да... Мы пошли в Ленсовет. Я была в красном бархатном платье. Два хвоста, красные банты... Я бежала по фойе впереди родителей, смеялась и кричала:

-- Догони!

Мама звала меня:

-- Маша!

Я оборачивалась и заливалась смехом. Тогда я в шутку убегала от нее. А потом всю жизнь всерьез бежала к ней...

После суда меня забрала бабушка. И мы уехали в Вологду, в частный сектор, по ухабистым российским дорогам, вернее, по бездорожью. Норберто, вы даже не можете представить себе, что такое исконно-русская земля! Вам не понять, как ужасны провинциальные совдеповские города... Я завидую вам, Норберто!

Больше никто не спрашивал, как мне спалось и что я хочу на завтрак, никто не читал мне сказок и не расчесывал волосы перед сном. Меня коротко подстригли. Английский был заброшен вместе с танцами. Каждый день я ходила по двору и кричала в небо:

-- Мама, заberi меня отсюда!

Музыка затихает.

Праздник

Мария возвращает Норберто за барную стойку: А потом был праздник. Уж и не помню какой. Пришли гости. Накрыли на стол, усадили всех, а про меня просто забыли, не специально, конечно, случайно. Не досчитались одного стула, одной тарелки. Моей. Я забилась в угол и не подошла, чтобы попроситься за стол.

Ароматно пахло, звенели бокалы, захмелевшие гости уже пошли танцевать, все мои тихие слезки выплакались, я поднялась и незаметно вышла из дома. Я решила идти к маме и папе, людям, которым я нужна. На улице темнело, и было довольно прохладно. Из-за забора поглядывали соседи, как сгорбленные, судорожно подрагивающие детские плечики подались в сторону асфальтовой дороги, которая вела в «большой город». Никто не остановил меня. Они наблюдали за развитием маленькой драмы, будто смотрели кино. Я шла к маме и папе, я не села на автобус, ехавший в город, ведь кроме моего сердечка никто не знал дорогу к родителям, а я была уверена, что знаю, что обязательно дойду. Тогда я впервые поклялась себе, что хорошо буду учиться в школе, что вырасту такой, чтобы все могли мною гордиться, и бабушка тоже. В то лето это еще было важно для меня. Меня хватились часа через полтора – два. Наверное, гости созрели, чтобы познакомиться с недостающей внучкой: пьяные тетки любят тискать детей. Тут-то и оказалось, что меня нет. Бросились искать. Соседка сказала, что видела меня уходящей в сторону города. Заматерились по-деревенски. Отправили мужиков за мной вдогонку на велосипедах. Меня нашли за пару остановок, плачущую и озябшую. Было уже довольно темно. Так я окончательно «опозорила бабушку перед порядочными людьми». Так было решено отдать меня на житье к маминой сестре, моей родной тетке.

Лариса жила тут же. В Вологде. На соседней улице. С мужем милиционером и дочерью Ирккой на год старше меня. Она ненавидела мою мать за то, что та «ускакала в Питер», за квартиру на Невском, за суд и, в конце-концов, за меня с зареванной мордой.

-- Мама, ты что не понимаешь: Володю уволят из органов! – кричала она.

Бабушка сопела.

-- Этот ребенок не может здесь жить!

-- Ну, так отдай его в детский дом, - сказала бабушка и хлопнула дверью.

Меня отдали... в детский... сад... А вы уже испугались, Норберто? Глупости! Это только цветочки. Молчите, Норберто! Только не надо меня жалеть. Я этого не выношу! Слышите: я этого не вы-но-шу!

Новый год

Мария достаёт из бара вазу с фруктами и конфетами, садится посреди зала и высыпает все на ковер: Помню новогодний утренник в детском саду. Я маленькая в костюме снежинки. Проще ничего не придумать: немного марли и белая майка. Дети читают стишки, водят хороводы вокруг елки, а потом, значит, Дед Мороз подарки всем раздает.

Знаете ли вы, что такое подарки в советском детском саду? Это кулек с конфетами, вафлями и одним мандарином. Противные карамельки, несколько шоколадных и запах мандарина до следующего года. Облупленный мандарин елся по долькам. Каждая долька высасывалась минут пять... А потом оставалось послевкусие и засушенные корки до следующего декабря...

Так вот подарки, значит, раздают всем. Дед Мороз до меня доходит, фамилию спрашивает, Снегурка пялится в список и что-то шепчет Деду на ухо. Он смущается, кряхтит, отходит и дальше раздает подарки... Дети разворачивают свои кульки и жуют, радостные... А я стою, дура дурой и не понимаю, чего же я без подарка?! А внутри моего горла огромный оранжевый мандарин застрял, хочется тошнить и реветь... навзрыд... Но не здесь! Здесь реветь нельзя! Потом уже тетка мне чего-то объясняла дома, а я сидела на полу под елкой, редела и ела конфеты из Иркиного подарка... Ленин говорил: делиться надо!

-- А Сталин говорил: свое иметь! – Ирка всегда меня ненавидела.

Мария начинает давить мандарины в руках, сок течет ей на платье, она размазывает его по лицу, вместе с макияжем, вместе со слезами: До сих пор, когда бывает жалко себя, реву, а в

горле стоит огромный оранжевый мандарин, который вытошнить невозможно... Все ведь оттуда... из детства, блин...

Танго

Мария встает, танцует, подходит к зеркалу, поправляет макияж и прическу, идет к швейцару: Скажите, сэр, я могу вас свести с ума? Ну, хотя бы чуть-чуть... самую малость... хотя бы на полчаса?

Я всегда старалась выглядеть красивой, а не умной, потому что, как говорит моя мама, слепых мужчин гораздо меньше, чем глупых... Я не ширпотреб, я индпошив. Женщина для изысканных удовольствий.

Черный рояль аккомпанирует танцовщице.

Я могу пригласить вас на танец? Белый... На танго... Не бойтесь, танцевать – не целовать... Ах, вы никогда не танцевали танго? Да, это ретро. Но сейчас танго возвращается опять, как воспоминание о незабываемом прошлом... Танго — это жаркий сплав безудержных эмоций... Это неоромантизм... Это... Вам нравится танго?

У меня в Лондоне были свои танцевальные курсы. Да, я популярный инструктор.

Играющий тренер. Танцевальное шоу и любительские курсы. *(Мария выпускает швейцара из своих объятий, приносит ему газету)* Вот свежая газета. Реклама выходит до сих пор. Проплачено до конца месяца. Педантичные англичане публикуют. А что? Я ведь хороший учитель танцев.

Давайте продолжим. *(Мария властно обнимает швейцара)* Вам нравится танго? Следуйте за мной. Расслабьтесь. Отдайтесь мне. Танец – это вертикальное воплощение горизонтальных желаний. Сейчас вы напоминаете мне Захара. Он был моим танго. Мы познакомились на танцах. Так в Союзе называли дискотеки. Он прекрасно танцевал. Его невозможно было не заметить в толпе. Мужчина-вихрь. Мужчина-торнадо. Мужчина-танго. Красивый танец. Вам нравится?

Он, Круговой, когда занялся бизнесом и разбогател, даже открыл мое шоу в Питере... А я стремилась в Лондон... К Саше... В жизни всегда так: хочешь одного, а получаешь совсем другого... Хотя нет... Я не получила никого... У обоих была своя жизнь – жены, дети, работа, политика... и где-то на обочине... в уголке... их жизни я – маленькая ночная бабочка... Я вела двойную жизнь, чтобы хоть одна удалась. Слуга двух господ. Смешное заблуждение...

Конечно, я хотела замуж за Захара... как любая женщина хочет замуж... просто, чтобы повысить свой статус, быть при муже... и создать иллюзию защищенности... Я хотела замуж. А Захар говорил:

-- Милая, в хорошем деле неплохо быть и на паях...

Я закусывала губы, пока не привыкла быть на паях...

...Я всегда говорила: самые умные политики – женщины, потому что они в политику не лезут. И вот вляпалась... Чем глубже сидишь в дерьме – тем выше держишь голову. Вам нравится танго?

Юг

Мария садится за рояль, и музыка замолкает: На следующий год дядя Володя повез семью на юг. Так тогда говорили. А еще: каждый советский человек хоть раз в жизни должен побывать в Сочи. Дядя Володя ездил в Сочи почти каждый год. Дикарем. Они с женой снимали сарайчик в частном секторе, все время в одной семье. В этот раз взяли и меня.

Ирка знала все окрестности. Это она привела меня в лесопарк и привязала к дереву:

-- Сдохни!

Она сделала все рационально, с холодным носом. Она ненавидела меня так же, как Лариса мою мать. За игрушки, которыми приходилось делиться, за располовиненный новогодний подарок...

Ирка уходила медленно и красиво, по-женски виляя попой, а я вопила:

-- Ирочка, родная, не уходи, я больше никогда так не буду!

Что не буду? В чем я виновата? В том, что живу. И чтобы я больше ни-ни... она и привязала меня к этому дереву... как в легенде... про немощных стариков... про бесполезных...

Я вам еще не надоела? Вы останавливайте меня. Только скажите: все, хватит... и я уйду...

Я бы и сама сказала:

-- Уйди, без тебя тошно...

Я бы сказала... наверное...

Я практически потеряла сознание от рыданий. Лесопарк для шестилетней девочки – это непроходимая чаща. Меня нашли. Пьяная компания отдыхающих. Они пели что-то с комсомольским задором, отвязали меня от дерева и отпустили практически без расспросов.

Но я сама повторяла:

-- Мальчишки... Плохие мальчишки... Они плохие...

Откуда-то снова взялись силы, и я, зареванная и грязная, побежала, не разбирая дороги, не зная, куда идти, где тот злосчастный сарайчик... Но ноги сами вывели меня к нему. И это было чудо.

И была ночь. Южная ночь с огромными звездами над головой.

Ирка спала. Володя храпел. Тетка глотала валерьянку.

-- Где была? – спросила одними глазами.

-- Гуляла, - ответила я.

Она молча била меня. Я даже не редела, я думала о том, как боюсь Ирку. Вдруг она проснется и придумает что-нибудь ужасное про меня... Вдруг...

Завтра была война

Мария садится за столик к захмелевшему посетителю: Вернувшись в Вологду, меня снова отдали бабушке. Взад.

-- Мама, возьмите ребенка взад.

Скажите, что вы делаете с ненужными подарками? Вам такие не дарят? Правда? Ну, представьте, что вам подарили нелепую вазу. Куда ее деть, чтобы не мозолила глаза? В нашей семье было принято переподаривать лишние вещи. Взад.

-- Возьмите ребенка взад.

Я пошла в первый класс в Вологде. В Вологодскую среднюю школу № 3. Как-то зимой бабушка меня разбудила в школу, впихнула собойку с бутербродом в портфель и вытолкнула на улицу. Было темно, хоть глаз выколи. И никаких прохожих. Обычно, когда я шла в школу, на улице люди спешили на работу, куда-то ехали машины... А тут никого.

-- Война, - подумала я. – Началась война. А я ничего не знаю. Мы с бабушкой уже пару дней телевизор не смотрели.

В груди похолодело. Я твердо решила идти в школу и узнать, когда началась война.

Прижимаясь к стенам домов, я кралась в школу. Пришла. Школа была закрыта. Никого.

Вокруг ни души. Я стучала в дверь школы – никто не открыл. Внутри меня вдруг открылись шлюзы для спуска эмоций, и я зарыдала на крыльце. Заливаясь слезами, я побежала домой:

-- Война, бабушка, началась война.

Первым делом бабушка включила телевизор:

-- Нам все сейчас скажут.

В телевизоре была рябь, он шумел и ничего не показывал. Бабушка осела в кресле:

-- Война.

Мы замолчали. Я неожиданно глянула на стену. Настенные часы в зале показывали четыре часа. На кухне тоже. На будильнике было четыре часа утра.

-- Бабушка, еще рано, еще ночь! – радостно закричала я.

Бабушка стала молиться. А я легла спать...

Народные танцы

Рояль звучит заливисто, раздольно, по клавишам пробегает волна. Мария встает и начинает танцевать что-то народное, русское: Это бабушка отдала меня на народные танцы. Помнила, что мама мечтала воспитать из меня Айседору Дункан, но как-то по-своему преломила эту идею. Шесть лет народных танцев...

А я каждый день мечтала о другом... о бальных... о латине... как Золушка... как Кармен... Это как с мужчиной.

-- Принца можно прождать всю жизнь, а мужик нужен каждый день, - учила меня жизни бабушка. -- Уж лучше народные танцы, чем вообще никаких.

Движение, жест, протест... В танце я могла выплеснуть свою тоску, рассказать о своем одиночестве, выплакать свою боль руками, истоптать ногами свои обиды. В танце я могла все. Слова застревали в горле, слезы сгорали внутри меня, так и не добравшись до глаз, а тело... тело... изгибалось, извивалось, вытанцовывая все мои фантомные боли... где-то на уровне памяти тела я все еще хранила прикосновения маминых губ к моему горячему лбу, когда я болела, папину шею, на которой я сидела во время первомайского парада, чтобы мне все хорошо было видно... иногда ночью я прикасалась ладонями к внутренней поверхности бедер, с силой сжимала их, желая ощутить эти крепкие трапецивидные мышцы отца... я хватала себя за щиколотки, вспоминая, как он придерживал меня руками, сидящую на его шее... но память тела имеет свойство стираться... как пыль... под дуновением ветра времени... как пыль...

Музыка замолкает.

Галстук

Мария присаживается на диванчик к Эдварду Стоуну: Сэр, не найдется прикурить? Не угостите даму сигареткой? Так банально и пошло советские путаны знакомились с клиентами. Так банально и пошло знакомилась я. О, нет! Никто бы не посмел назвать меня проституткой. Я была информатором КГБ... потом ФСБ... Меня завербовал Захар. Не удивляйтесь, детектив! Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Я привыкла платить по счетам. А платить в Союзе нужно было за все – за дорогие импортные чулки, за фирменные пуанты, за банку черной икры к Новому году, за путевку на Черное море, за французский парфюм и австрийские сапоги. Знаете, почему наши чиновники так заботятся о нефтяных компаниях? Им нужно очень много вазелина...

Захар обставлял мой быт, я собирала для него информацию... передавала депеши... при случае писала доносы... деньги не пахнут... Вы знаете об этом?

Скажите, детектив, вы счастливы в браке? Ну... или были счастливы... Сколько раз? Молчите... Я знаю, что вам тоже нечего сказать... Потому что хорошее дело браком не назовут. Брак – это изощренная пытка, странное извращение – одиночество вдвоем. Не спорьте, детектив! Это так. Иначе почему они шли, чтобы забыться в моих объятьях? Почему стонали с моим именем на устах, даже в постелях своих жен?

-- Каждая женщина хочет замуж, но не каждая способна быть женой, - говорил мне Саша. И каждую ночь... возвращался... возвращался... возвращался к ней... Она была дочерью генерала. Она была его карьерной лестницей... Она, в конце концов, была матерью его двоих детей. А я была потаскухой, танцовщицей и дочкой зэков. Если бы хотя бы политзаключенных... тогда в Лондоне со мной было бы удобно просить политическое убежище... А так...

Я с детства привыкла к тому, что меня отвергали. И эта шенячья преданность – моя любовь – раскрывалась красным цветком лишь там, где ее поливали обиды и невзаимность... и животный страх потерять... страшный до удушья... Вы когда-нибудь боялись так, детектив?

Я очень боялась, что меня не примут в пионеры... Ну, родители в тюрьме... Все такое... Директриса долго советовалась в районо, горкоме, обкоме... Потом все-таки решили, что

«сын за отца не отвечает», ну, и все такое в этом роде. Короче, меня принимали в пионеры вместе со всеми. Мы стояли на сцене актового зала нашей школы. Музыкант играла на фоне. В зале сидели родители... Я была самой последней в этой шеренге. Самой последней из достойных стать пионером. Недостойных не оказалось. Передо мной Югов, потом Яблочкина, а потом уже Харитонова... В нарушение всех правил алфавита... но по законам партии... Как завещал великий Ленин.

-- Как завещал великий Ленин, - хором повторяли мы. Бойкая пионервожатая повязывала галстуки. Мой она затянула так, что я стала задыхаться... и в глазах потемнело. Я спрыгнула со сцены, подбежала к портфелю, достала из него ножницы и быстро разрешила галстук под воротником рубашки... Дышать стало легко. Но от истошных криков пионервожатой я вдруг на мгновение оглохла. И пришла в себя только, когда меня стали бить по рукам и лицу:

-- Ты, гнида, зачем Ленина от партии отрезала?

Так я впервые узнала, что углы галстука символизируют Ленина, партию и комсомол. В этой школе я галстук больше не носила.

Когда мама вышла из тюрьмы, мы еще три года кантовались в Вологде. Мать и бабушка грызлись каждый день. Потом мы вернулись в Питер, и я пошла в другую школу. А когда нас приняли в комсомол, я собрала весь класс в мужском туалете, торжественно утопила все галстуки и затопила пол-этажа. На меня, конечно, донесли. Так меня исключили из комсомола.

Но когда в моей жизни появился Захар, все стало неважным – мои терки с советской властью, мой бунтарский характер, моя боль, мое желание кому-то что-то доказать... Захар властно направил все в нужное русло. Нужное ему... удобное для меня... Вам еще не надоело?

Спросите меня, Эдвард, как мои дела. Ну, спросите же! How are you, darling? Вы знаете, милый, что такое говно? Так вот оно по сравнению с моей жизнью - пивидло. Нет-нет, я не жалуясь. Что вы! Говно не может быть невкусным! Миллионы мух не могут ошибаться!

Сальса

Рояль вздрагивает клавишами, погружаясь в мир музыки. Мария подходит к захмелевшему посетителю, сидящему за столом и приглашает его на танец: Любите ли вы сальсу, как люблю ее я? Эчале сальсита, darling! Эчале сальсита! Поверьте мне, следуйте за мной, откройте свои эмоции. Шаг. Шаг. Шаг. Эчале сальсита! Характер сальсы проявляется в ее основном шаге. Неподвижная верхняя часть тела... и...

переносим акцент на ноги и на талию. Движения ног крайне важны... именно они задают такое характерное для сальсы движение бедер. Как в сексе... и даже лучше...

Расслабьтесь. Сальса не отличается сложной техникой. Главное требование — не быть равнодушным. Позвольте себе выражать эмоции и чувства открыто. Не бойтесь!

-- Добавим огоньку! -- кричал кубинец Игнасио Пинейро и сделал эти слова названием своей новой песни. Эчале сальсита! Так появилась сальса. Вы еще не устали? Шаг. Шаг. Шаг. Эчале сальсита, darling! Сальсу можно танцевать бесконечно...

«Сальса» по-испански — еще и «соус». Да, это танцевальный соус из гуарачу, ча-ча-ча, пачангу, румбу и мамбу... Сальса правит везде... в Венесуэле, Колумбии, Панаме, Пуэрто-Рико и на Кубе...

Вы спрашиваете, почему я так люблю сальсу? Сальса — это всегда интрига, это роман, это близость... Слишком близки партнеры... тут уже не до холодного рассудка... тут возникают связи... эмоции и чувства... танец становится игрой: здесь все элементы ухаживания и отказа, обольщения и страсти... танец как творчество пары... как самая большая интимность... и что самое важное — каждый танец неповторим. Можно знать немного движений, но каждый раз, с новым партнером, под новую мелодию будет

рождаться что-то уникальное, яркое, со своими эмоциями и страстями. Шаг. Шаг. Шаг.

Эчале сальсита, мой друг!

Я бросила хореографическое училище на четвертом курсе. С моей биографией Большой театр мне не светил, а на меньшее я была не согласна. Были 80-е. Предперестроечная оттепель. Ламбада. Как язвила моя бабушка, девушки замазывали синяки под глазами и намазывали их над глазами... розово-голубая гамма... фиолетовая... Я ушла из училища. Мама оплакивала мой английский. Она мечтала для меня о гастроях Большого театра, я – прима, пресс-конференции, кронпринц целует мне руку и предлагает стать его женой... в крайнем случае, любовницей... Мама-мама...

Я ушла из училища и занялась эстрадным танцем. Не танцевать я не могла. Мои сбитые пальцы хотели еще боли, чтобы отдать боль... еще физического страдания, чтобы выплеснуть душевное... потеть на сцене, изливая пóтом невысказанность души... Вытанцевать свою боль, потому что не высказать... и танцевать непременно одной, потому что невыносимо больно. Я любила сольные программы. «Медуза Горгона» - первое мое шоу конца 80-х в, казалось бы, свободной демократической России. Полтора часа сумасшедшего драйва... и я на сцене одна... потому что не люблю... когда постоянно трогают... другие... грязными руками... Я без кожи... с меня сняли кожу, когда привязали к дереву. Моя кожа осталась там... в Сочи... кожа шестилетней девочки... а другая не выросла... Эчале сальсита, darling! Эчале сальсита!

Ничего личного

Мария отстраняется от захмелевшего посетителя, подходит к швейцару и начинает танцевать с ним: Твоя мечта исполнится, Золушка - и ты будешь танцевать на королевском балу... А пока, Маша, давайте скрепим нашу дружбу половым актом! – и даже эти дурацкие слова не остановили меня, истосковавшуюся...

Захар. Круговой. Первый мужчина, которому я позволила прикоснуться к моим незарастающим ранам. Первый, кому я рассказала о детстве... и о своей мечте увидеть Лондонский туман...

И он придумал... практично... по-мужски... как осуществить мою мечту.

-- Не все можно передать с дипломатической почтой. Но кое-что можно легко перевезти в маленькой дамской сумочке. Между страниц любовного романа, в тубике помады, в футляре солнцезащитных очков... в специальном футляре. Как говорят американцы: работа как работа... Ничего личного... Деньги не пахнут. Цель оправдывает средства. Майор КГБ Круговой отлично знал свое дело. Жена, двое детей и любовница Мария Харитоновна. Как говорит моя мать, эффектные женщины бросаются мужчинам в глаза, практичные - виснут на шее, женят на себе и рожают детей.

Вам кажется, я еще могу?.. Вы возбуждены? Вы так тяжело дышите! Ах, это сальса... Вы устали? Не может быть! Сальса – это энергия, это жизнь!

Моя мама всегда плакала на моих концертах. Не от умиления. И не от гордости за дочку. Оттого, что сцена не та. Размах не тот. Танцы не те. Партия не та. Страна не та. Жизнь не та...

Как вы напоминаете мне Захара... Эчале сальсита, darling! Эчале сальсита!

Захар проводил со мной времени больше, чем с женой, детьми и работой. Иногда мне казалось, что я для него – жена, дети и работа... вернее больше, чем жена, дети и работа... Но, когда кажется, креститься надо. Знаете?

Я знала всех приятелей Кругового. Всех друзей, сослуживцев, коллег, конкурентов... Саша был его другом. Вместе закончили военное училище. Шли ноздря в ноздю. Работали вместе. Потом Круговой остался в Питере. А Мартыненко уехал в Москву. Пошел на повышение.

Мы познакомились с Сашей в Москве... Захар взял меня с собой в командировку, на день ВЧК КГБ... то ли 19-го декабря на праздник военной контрразведки... то ли 20-го... ВЧК... НКВД... КГБ... ФСБ... Огромный банкет... бал... и я танцую... как Золушка...

как настоящая принцесса... меня невозможно не заметить... его невозможно не заметить... Саша умел танцевать сальсу....

Мокрые спички

Мария отпускает швейцара и возвращается к своему захмелевшему посетителю:

Разрешите вас пригласить. Глаза в глаза... Губы в губы... Сильные мужские руки легли на мою талию... Мы танцевали, не проронив ни слова... то, что выскажут глаза, не выскажут губы... то, что выскажут губы, не выскажут руки... то, что выскажут руки, не выскажет лоно... то, что выскажет лоно, не выскажет сердце... то, что выскажет сердце, не выскажут слова... то, что выскажет танец, не выскажет больше никто... Эчале сальсита, darling! Эчале сальсита!

Это была любовь с первого взгляда. А потом Саша подвел меня к Захару и выдохнул:

-- Хороша, чертовка! Поздравляю, брат!

-- А то! – Захар улыбнулся так, что мне хотелось выбить красивый ряд его ровных белых зубов... чтобы потом собирал сломанными руками... и задушить Сашу...

Но Саша принес шампанское и осторожно увлек меня в сторону... пригласил покурить...

Захар не любил, когда я курила... Я ушла с Сашей... Однозначно обменялись номерами телефонов. Многозначительно посмотрели в глаза друг другу. Ничего не обещали...

Той ночью я рыдала в объятьях Захара... от внезапной нежности... нахлынувшей любви к Саше... жалости к себе... Хорошо, что не родила Захару ребенка... Плохо, что после двух абортотв у меня больше не будет детей...

Так продолжалась моя жизнь с Круговым. Так началась моя любовь с Мартыненко. Я стала ненасытной... Мне внезапно понадобились деньги... больше... еще больше... Я занималась сексом с Захаром и все время думала, где бы найти деньги, чтобы хватило на роман с Сашей... чтобы уехать в Лондон... чтобы он мог уехать в Лондон... чтобы все красиво обставлять... чтобы ему нравилось... милый... милый... еще... еще денег...

Захар стал ревновать... Нет... не меня к Саше... Сашу к его карьере... Мартыненко рос. Он уже был подполковником, а Захар все еще оставался майором... Круговой решил уйти в бизнес. Содержать семью и меня... вернее меня и семью на майорскую зарплату было невозможно...

Я хотела танцевальный проект... Заграничные вояжи... Свое шоу в Лондоне... Я хотела реализации... Захар хотел меня... Каждый мой танец оплачивался Захаром и был посвящен Саше...

Саша почти не вкладывался в наш роман... почти не тратил на меня денег... я была женщина-праздник... вихрь... ураган... я сама приносилась в Москву... иногда с гастролями, снимала номера-люкс в гостиницах спальных районов... чертова конспирация... заказывала брют и мы зажигали... по полной программе. Саша был страстным любовником... а в перерывах я настойчиво говорила о Лондоне... как в бреду... Я не знаю, за что я любила его... понять это – слишком... слишком... наверное... я любила его потому, что он спокойно мог жить без меня... Они спокойно могли жить без меня... и Лондон, и Саша...

Это великое счастье - любить. Не каждому дано. За него надо платить, к сожалению, кровью. Что тут поделаешь? Я не умела жить легко, не из того теста. Любовь – моя суть. Рыба не знает, что такое вода. Она в ней живет. Я жила любовью. И все-таки не узнала, что это такое, как ни странно... Потому что слово – ложь. В сущности, любовь тоже ложь. Иначе, зачем такие страдания, разочарования? Расплата за обман. Любовь... Что это такое? Так, предчувствие Бога, который где-то рядом... Когда показалось, что ты ее знаешь, - сплунь три раза и перекрестись. Я любила Сашу... Так мне казалось... А когда его не стало, поняла, что мало любила. Это как бег по кочкам с закрытыми глазами. Падаешь, разбиваешься в кровь, открываешь глаза и понимаешь, что на бегу и не увидел чего-то главного. Нельзя объяснить то, что больше тебя, чего не дано увидеть. А можно только

краешком глаза почувствовать. Сколько не вытанцовывай любовь, все равно не вытанцевать... не написать... не спеть... Но вот почему-то танцуется, пишется, поется... У себя в Лондонской квартире на люстре я повесила колокольчик. Когда проходила, то специально задевала рукой... Он звенел... Иногда резко, неприятно. Иногда, наоборот, ласково. Что-то он мне подсказывал в работе... в любви... в жизни...

Я всегда знала, что жить без любви невозможно в принципе. Иначе это не жизнь, а мокрые спички...

Саша уехал в Лондон. Неожиданно. Так же неожиданно, как появился в моей жизни. Он никогда не обсуждал со мной свои планы, лишь улыбался и говорил:

-- Спокойно, Маша, я Дубровский...

Он уехал с семьей. Я узнала об этом из газет. Он попросил политическое убежище. Это был медийный скандал. Пресса гудела...

— Ваше мнение о нем как о человеке?

— Он одержим идеей, он работает за эту идею и все подчиняет ей.

— Какова же его идея?

— Освободить Россию от тотального влияния КГБ. Место КПСС заняли комитетчики, что на деле намного хуже. Они присваивают народные деньги. Он все это знает в деталях и пытается с этим бороться.

Лучшие политики – женщины... Я ничего не хотела знать о его идеях! Я хотела его... Его серые глаза, властный голос, сильные руки, дурацкие шутки... Я хотела, чтобы он неожиданно исчезал и все время был рядом... как мой отец... Когда он вышел из тюрьмы... мы уже ругались с матерью целый год... Она стала нервной и истеричной... Он сидел на какой-то шняге... Потом был героин... Они развелись... Он ушел к мужчине... который отсидел за убийство... я бегала к нему тайком... и тысячи раз слушала одну и ту же историю... они с Володей познакомились на зоне... он задушил человека... якобы в целях самообороны... Жить с мужчиной в Союзе не было моветоном... Это просто было невозможно... так же невозможно... как наркотики... но это было... и это была обратная сторона луны...

Отец умер от героина через восемь лет после тюрьмы... я не хотела с ним расставаться... и решила, что должна жить с тем человеком, который все время был рядом с отцом... я решила, что он пытался вытащить отца... боролся с наркотиками... за него... так он мне тогда говорил... он тоже сидел на героине...

Он пытался посадить меня на герыч... он поклонялся герасиму... он молился на геру... он душил меня... во время секса... пальцы помнили... он мог кончить, даже не входя в меня, а, только наблюдая, как я задыхаюсь, извиваюсь под его сильными руками на моем горле... он выдавливал оранжевый мандарин... а я хрипела... и это было по-настоящему...

Первый раз я подумала: «Все по-настоящему...», когда умер отец... Я стояла на кухне и готовила есть. Услышала звонок в дверь. Открыла. Стоял Володя... У него дрожали руки... Когда мы пришли в квартиру, отец лежал на кровати без движения, глаза были открыты. Они были стеклянными... Я вцепилась в спинку кровати... до боли в ладонях... не проронила ни слезинки... и только, когда гроб опускали в яму, я вдруг подумала: «Черт, это все по-настоящему».

Мать не пришла на похороны. Я бросила вещи в спортивную сумку и переехала к Володе... мы жили вместе почти год... мне не было страшно, когда он душил... я вообще не боялась умереть... я боялась одного: если он вдруг увлечется и все-таки задушит меня, его снова посадят... мне было его жалко...

Однажды он продал меня дилеру... за дозу... как вещь... и тогда я ушла... навсегда... была ломка... не героиновая... ломка ненужности... я вытанцовывала ее... пока не встретила Захара...

-- Спокойно, Маша, я – Дубровский.

Тысяча и одна ночь... Почти три года в разлуке с Сашей... Бесплодное ожидание... И Саша, и Лондон спокойно могли жить без меня... Оставались звонки, письма... Используйте электронную почту! Ваши письма будут не доходить и теряться во много раз быстрее!

Временами, ощущая свою ненужность Саше, я пыталась притвориться гордой. Потом срывалась... Звонила ему... пила транквилизаторы. Я все время сидела на антидепрессантах, снотворном, алкоголе и энергетических коктейлях. Знаете, если запить снотворное энергетическим коктейлем, то приснится дискотека?

Конечно, когда-то давно я хотела замуж за Захара... быть при муже... создать иллюзию защищенности... А Захар улыбался:

-- Милая, в хорошем деле неплохо быть и на паях...

Я закусывала губы, пока не привыкла быть на паях... Этому научил меня Захар. Я была его педагогическим экспериментом. Он сделал меня невероятно сильной. Он помогал, спонсировал, обставлял мою квартиру, оплачивал капризы, приезжал ко мне на обед, но все время указывал место... как собаке... фу, место! Я научилась знать свое место... и уважать хозяина... уважать... и... бояться...

Захар ушел из органов... хотя, как он говорил, бывших чекистов не бывает... Он занялся бизнесом... пивоварение... рестораны... открыл мое шоу...

Однажды Захар пришел бледный и огорошил меня с порога:

-- Я больше не хочу никаких паев, хочу, чтобы ты безраздельно мне... я... единолично... тобой...

-- Тихо, милый...

Я улыбалась, как дура... горько, как будто разжевала целый лимон... с цедрой... Мне уже было не надо... Я не просто привыкла быть пайщицей... я хотела уехать... к Саше... даже если я была ему не нужна... даже пайщицей... Я хотела его ВСЕГО - с его детскими страхами и нереализованными желаниями, чудовыми идеями и огромными тараканами, ослиным упрямством и трогательной мягкостью, политической борьбой и животной нежностью... Я хотела его всего... без остатка... я любила так, что моя жизнь без этой любви была невозможна...

Захар повел себя как мужик... Он организовал мой переезд в Лондон. Обеспечил работой... маленький женский ридикюль... и бесценная информация внутри него... танцевать и информировать... информировать, чтобы танцевать... Работа агента приносила мне деньги, чтобы открыть свое шоу. Шоу «Butterfly». За пять лет – семнадцать сольных программ... Разные направления, жанры... Эчале сальсита, darling! Эчале сальсита!

Меня часто спрашивали, что чувствует человек, входящий в двери своего собственного театра, пусть даже маленького, камерного, на пятьдесят зрителей... Не знаю, что чувствует этот человек... Я чувствовала крошечную усталость, свинцовые ноги и чертов мандарин... Эчале сальсита!

Музыка растворяется в тишине.

Високосный

Мария закуривает: Первый год в Лондоне был ужасным... Захар приезжал каждый месяц. Помогал обустроить быт... и все-таки я тысячу раз была на волоске... Стояла на подоконнике, раскинув руки, и понимала, что только одного порыва ветра не хватает мне, чтобы распахнуть яркие крылья ночной бабочки... и улететь... я никогда не боялась смерти...

Но раздавался звонок из посольства... Я шла за дипломатической почтой... Мне вручали билеты... спешно нужно было лететь в Питер... В аэропорту встречал Захар... Бывших не бывает... как и бывших мужчин в моей жизни... В Питере уже были расклеены афиши... Я танцевала... Отдышка... С каждым па было все тяжелее... все больше энергетиков... все больше антидепрессантов... Я слишком поздно добралась до своей мечты...

Изнурительные тренировки... каждый день... и отчетливое понимание, что еще месяц, полгода, год, два, три от силы... и меня можно будет списать в утиль... Нужно было придумать тыл... найти запасной выход... Я решила стать учителем танцев... Стриптиз, вальс, сальса, танец живота, танго... все, что хотите... медленные танцы для расслабления... эротические для возбуждения... экспресс-погружение за три занятия... годовой курс для продвинутых...

Я не могла не видеть Сашу... Он был в той же пищевой цепочке... Я была и его информатором... Он говорил:

-- Обратного пути нет, детка...

А я... медленно... шаг за шагом я отвоевывала его территорию, захватывала кусочки его жизненного пространства, завладевала его временем... Пока однажды он снова не назвал меня Шахеризадой. Потом Мата Хари, как в Москве. В шутку. Ну, какую еще можно придумать кличку для информатора Марии Харитоновой? И снова:

-- Спокойно, Маша, я Дубровский...

Все ради этих слов...

Я никогда ни о чем не просила Сашу... я готова была все забрать у других, чтобы положить это к его ногам... но это все было ему совершенно не нужно. И это все была я...

Первый год в Лондоне был ужасным... В декабре мне приснился сон, как будто пришел ко мне Старый год на кофе с корицей, кардамоном, и я его так обреченно спросила:

-- Что же ты такой плохой выдался? А в конце совсем стух?

-- Так ведь високосный я. Но ты не переживай. Следующий еще хуже будет.

О Боге

Мария идет за барную стойку, смешивает себе коктейль: Моя бабушка была человеком набожным. Она молилась утром и нашептывала Библию вечером. Благословляла каждый день, благодарила бога за каждый кусок пищи... Всех детей окрестила, всех внуков. И советская власть ей была не указ. Хотя долгое время бабушка прятала иконы, а потом сдула пыль и поставила их по всему дому... На исповедь ходила, к причастию. К каждому празднику в церковь... Яйца красила на Пасху, помнила, когда Вербное воскресенье, когда Николаю угоднику свечи нужно поставить, у какого святого о чем попросить... Когда бабушка совсем постарела, она стала журить меня антихристку за несмирение... Она не была глупа. И говорила, что каждый рано или поздно приходит к пониманию бога, что я уже не девочка и пора бы мне найти дорогу в храм.

Я злилась и, помня все обиды, нанесенные мне старухой, отшучивалась, что бог не сделал ее ни лучше, ни добрее.

-- В чем смысл твоей молитвы, старая карга? Что с тобой произошло? Как твоя хваленая вера изменила тебя?

-- Дура, да молиться нужно целые жизни подряд, чтобы хоть что-то произошло!

-- Нет, такая вера не для меня. Если я и помолюсь, то только однажды... чтобы придти к богу наверняка... Уж если что-то должно произойти, оно непременно произойдет. Если же ничего, то моя молитва будет ошибкой... ..бессмысленной ошибкой... и я больше никогда ее не повторю...

Фантомные боли

Неожиданно включается радио, начинает работать огромный телевизор на стене, отовсюду летят газеты со странными заголовками и статьями. Мария хватает пульт от телевизора, она переключает каналы... везде новости и экстренные сообщения...

Мария не может выключить телевизор. Она хватается за газеты, читает заголовки, вырывает фразы из контекста. Оживают манекены... Они говорят обрывочными фразами... Какофония звуков, разные голоса:

...В Лондоне скончался Мартыненко...

...Он мог быть отравлен ядом с небольшим периодом полураспада...

...Бывший госсекретарь США Генри Киссинджер не исключает, что Александра Мартыненко отравили бывшие коллеги из российских спецслужб...

...Между Россией и Великобританией сложились отношения доверия и взаимопонимания. И нарушать это взаимопонимание -- абсолютный нонсенс. Мартыненко не тот человек, чтобы ради него омрачать двусторонние отношения. Масштабы геополитики несопоставимы с масштабами жизни одного человека...

...В России не ценят жизнь...

...Эксперт по России Мартин Макколи считает, что ударить по Мартыненко могли «рикошетом», целясь на самом деле...

...Яд был доставлен в Британию по дипломатической почте...

...Владимир Путин заявил, что Мартыненко не являлся носителем каких-либо секретов...

...Мартыненко собирался шантажировать олигархов и коррупционных чиновников в Кремле...

...Шотландия расследует убийство...

...У британцев началась паника. Анализы на наличие радиации сдали более 450 человек...

...Телеканал ВВС покажет документальный фильм...

...В Лондоне проверяют на радиацию людей, имевших контакт с Мартыненко...

...изменник Родины заслужил свое...

...это один из поворотных моментов для того, что будет с имиджем России в мире, который и так стремительно ухудшается. Очень трудно разговаривать со страной, в которой травят политических противников...

...Мартыненко подозревают в связи с Аль-Каидой...

...Он отравлен полонием-210...

— Не кажется ли вам, что для отравления выбран очень дорогой способ, примерно 10 миллионов долларов? Вы же сами прекрасно знаете, что даже для показательного убийства у спецслужб есть другие, более простые способы.

— У вас мировоззрение советского инженера, которому два выходных костюма — уже много. В мире политиков и олигархов вращаются совсем другие деньги. Что такое 10 миллионов за какую-то таблетку, чтобы совершить оперативное мероприятие? Это совсем недорого.

...Мартыненко участвовал в создании «грязной» ядерной бомбы и только так мог получить дозу радиации...

...тело покойника не разрешили внести в храм...

...похоронен на кладбище Хайгейт в Лондоне...

...тело было помещено в специальный образом запечатанный гроб, чтобы избежать утечки радиации...

...безутешная вдова пишет книгу о муже...

-- Кто мог подложить полоний?

-- Только специалист, который занимается ядами. А готовиться и тренироваться этот человек, насколько мне известно, стал с начала прошлого года. Где-то с февраля—апреля. И в Лондон ездил, везде ходил, все изучал.

...Шотландия взяла след убийцы...

...Путин назвал происшедшее «трагедией» и выразил сожаление, что «даже такие трагические события, как смерть человека, используются для политических провокаций»...

...Прокуратура Гамбурга направила в Москву запрос о правовой помощи...

...Генпрокуратура России исключает возможность экстрадиции Кругового...

...Круговой заявил, что у него есть доказательства причастности британских спецслужб к убийству Мартыненко...

...Лондон высылает российских дипломатов. МИД России обещает, что эти действия не останутся без ответа...

...Москва высылает четырех британских дипломатов...
...если бы отравление случилось не в Англии, то причину смерти Мартыненко могли никогда не установить. Ошибкой преступника явилась слишком большая доза полония, в результате чего развились признаки острой лучевой болезни...
...Госдеп США советует России выдать Кругового...
...Мартыненко сам заразил Кругового полонием...
...За последние 10 лет Великобритания не выдала России ни одного человека...
...Мартыненко работал на британскую разведку МИ-6 и получал за это 2000 фунтов в месяц...
...Круговой станет вторым в предвыборном списке партии на думских выборах. «Как любой гражданин Российской Федерации, я хотел бы быть президентом», — заявил он на пресс-конференции по итогам предвыборного съезда...
...к делу могли быть причастны британские спецслужбы, «русская мафия» или...
...Экспертиза установила, что полоний, которым был отравлен Мартыненко — российского происхождения...

На рояле оживает кот. Его шерсть вздыбилась, как будто он увидел приведение. Его хвост распушился и превратился в трубу. Он спрыгивает с душераздирающим «Мя-а-а-а-а-у» и уносится за кулисы...

Мария кричит: Хватит! Хватит! Я! не могу! это выносить! Я! больше! не могу! это выносить! Это слишком по-настоящему. Однажды! в ужасе! понимаешь! что все! Слишком! по-настоящему! Ожидание и тоска, секс и его отсутствие, звонки и письма, обещания и иллюзии, классные идеи и наполеоновские планы, легкие обиды и всепоглощающая нежность, боль и предательство, искренность и притворство, разлуки и переезды, родители и мурлыкающий кот на столе, любовь и невозможность жить без нее, съемные квартиры и чужие города. Все по-настоящему... А жизненный опыт - это лишь масса ценных знаний о том, как не надо себя вести в ситуациях, которые никогда больше не повторятся. Ни-ког-да...

* * *

Мария подходит к Эдварду Стоуну, садится рядом, обнимает его, раскачиваясь из стороны в сторону: Я знаю, детектив, зачем вы пришли сюда. Вам не дает покоя эта история... как червь яблоко она разъедает ваш мозг изнутри... Вы разгадываете слишком сложный кроссворд, детектив... слишком сложный...

Вы устроили этот следственный эксперимент для меня? Вы хотите знать правду? Правды нет... А если бы и была... кто поверит сошедшему с ума детективу и странному приведению?

Все! Больше ни слова! Не спрашивайте меня, детектив! Это слишком больно... Его больше нет. Это фантомная боль. Вы знаете, что такое фантомные боли? Когда у вас отрезают руку, вам какое-то время еще кажется, что эта рука у вас есть, и она болит... Когда у вас НАВСЕГДА отнимают любимого человека, вы продолжаете засыпать и просыпаться в его объятьях, пока не сойдете с ума...

И помни, что я всегда с тобой...

Мария садится на пол, спиной к зрителям и своим манекенам, рассказывает спокойным ровным, каким-то сухим голосом: Захар приехал в Лондон. Как обычно. В командировку. Встретился с Сашей и еще каким-то итальяшкой здесь, в Pine Bar-е. Потом Круговой приехал ко мне и передал ампулу:

-- Детка, на Сашу готовится покушение... Возможно, его уже пытались отравить... или воздействовать на него как-то иначе... психотропными средствами... способов много... у него подозрение на рак... химиотерапия может закончиться летальным исходом. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я кивала... сердце стучало бешено... мне казалось, что Захар слышит этот сердечный канкан... но мне уже было все равно...

-- Детка, я привез тебе кремлевскую таблетку из спиленного рога последнего намибийского... носорога... для Мартыненко... это мощнейший иммуномодулятор, противоядие. Раздели ее на четыре части, разведи в горячей воде, пусть Саша выпьет за четыре дня. Ты сможешь устроить четыре встречи с Мартыненко? Подряд? Умница, дочка. Лекарство подействует постепенно. Ты сама заметишь. Главное – без паники на корабле. Не надо Сашу ни о чем предупреждать: это создаст разбалансировку, вызовет подозрения, нарушит микроклимат... И помни, что я всегда с тобой, детка... Десять тысяч фунтов тебе за труды. Это на шоу.

Мы сидели в Pine Bar-е. За этим столиком. Да-да. Здесь. Вдвоем. Я шепотом рассказала Саше, что его хотят отравить. Он долго смеялся. Он не воспринял это всерьез. Сказал, что мне вредно мешать транквилизаторы с алкоголем, от этого у меня развивается паранойя... Он был раздражен, предложил заплатить по счету и вышел в туалет. Четыре запланированные встречи таяли на глазах. Я вскрыла ампулу и растворила ее в чашке зеленого чая... Саша вернулся. Выпил чай и ушел...

На следующий день в утренних газетах появились все эти ужасные новости... Отравлен... В больнице... Все мгновенно встало на свои места! Я преступница! Я! Вкрадчивый голос Захара... его сахарная улыбка... дурацкий рассказ про рога последнего намибийского носорога... Это же изощренное издевательство... эстетская пытка... Умница, дочка! Руками варваров против самих варваров. Самые умные политики – женщины...

Я сразу же пошла к Саше в больницу. Он улыбался:

-- Прости. Я, кажется, вчера тебя обидел. Я не хотел. Ты что-то знаешь?

Я отрицательно покачала головой. Слезы застилали глаза. Пришли санитары. Переложили Сашу на носилки, понесли в другой блок. Я смотрела, как они берут носилки, и у меня резало ладони, они горели... их жгло... Его уносили от меня и я думала: «Черт, черт, черт, это все по-настоящему». Все! По-настоящему! Черт! Любая реальность строится из обломков...

Я с детства привыкла к тяжелым сумкам. Когда родители сидели в тюрьме, мы ездили с бабушкой на свидания. Раз в полгода к маме. Раз в полгода к отцу. Список запрещенных для заключенных вещей был огромен, разрешенных – умещался на странице. Однажды мама попросила помаду и тушь. И это были запрещенные вещи. Бабушка сложила их в мой рюкзачок, посчитав, что ребенка не будут обыскивать... Но дородная тетка перетрясла мои детские пожитки. Косметика выпала на пол.

-- Малолетняя преступница, - кричала она... и еще много всяких слов...

Мне было ужасно страшно. Эти несчастные тушь и помада грозили мне наказанием – не видеть мать еще целых полгода.

-- Тетенька, тетенька, отрежьте мне ручки, ножки, только пустите меня к маме! – я захлебывалась в слезах. Моя истерика длилась часа полтора. Тюремщица наслаждалась:
-- Не положено.

Она наклонялась ко мне, пытаюсь втолковать «Не положено», изо рта несло луком... С тех пор я ненавижу лук. Ни в каком виде! Этот лук не дал мне увидеть мать... еще полгода... Когда Сашу несли на носилках, мне, как в детстве, хотелось кричать:

-- Тетенька, тетенька, отрежьте мне ручки, ножки, только пусть он останется жив!

Саша умер через неделю... И это было по-настоящему.

Ну, док, как вам моя сказка? Вы довольны, детектив? Вам хватает улики? Ну, же! Давайте, наденьте на меня браслеты! Сопроводите меня в камеру! Скажите мне всю эту чушь про адвоката и про молчание... Предупредите, что будете использовать против меня...

1000 рублей

Мария встает, подходит к швейцару: Когда никому не веришь, никого не сможешь обвинить в предательстве. Не знаю, верила ли я Захару. Я слишком была увлечена Сашей, чтобы хоть раз всерьез задуматься об этом. Я использовала Захара, пока он однажды не использовал меня, как туалетную бумагу. Одноразово... Когда стало известно, что Саша

был отравлен полонием, я поняла, что впервые так близко держала смерть... таблетка, разделенная на четыре части, убивала бы Мартыненко дольше... без признаков острой лучевой болезни... но одновременно она убила бы и меня... летучий полоний не щадит никого...

Эти чертовы 10 тысяч фунтов наличными лежали аккуратной пачкой на моем рабочем столе и жгли память.

Когда мама сидела в тюрьме, она однажды прислала письмо:

-- Я вернусь, мы пойдем в магазин и купим тебе подарков на 1000 рублей.

Тысяча рублей – это были баснословные деньги по тем временам. И я ждала. Мечтала, думала, что мы купим. Ходила и наслаждалась тем, что у Ирки никогда в жизни не будет таких подарков... как она будет завидовать!!! Ей зависть все глаза выест! Я гуляла по магазинам и вела в тетрадке свою нехитрую детскую бухгалтерию: велосипед, куклы, новое платье, пальто... или сразу машину! Мама вернулась, и я в тот же день спросила ее, когда же мы пойдем в магазин.

-- Зачем?

-- Чтобы купить мне подарков на 1000 рублей. Ты же обещала! В письме! Помнишь?

-- Нет, дорогая, я посылала тебе 1000 поцелуев.

И я зарыдала:

-- Мне не нужны твои поцелуи. Мне нужны вещи на 1000 рублей!

Оранжевый мандарин обиды снова комом стоял в моем горле – не сплюнуть, не проглотить. На всю жизнь...

Я не пошла в полицию. Я полетела в Питер. В самолете стюардесса среднего возраста рекламировала питьевую воду.

-- Нашу воду пьют в Кремле! В ней есть химические элементы, редко встречающиеся в природе!

-- Полоний? – язвительно спросила я.

Стюардесса растерянно улыбнулась.

Дни настоящей жизни

Мария бросает швейцару в лицо деньги: Подавись! Все 10 тысяч!

-- А как же шоу? Show must go on! – Захар был в хорошем настроении.

-- Да пошел ты!

-- Шлюха!

-- Убийца!

-- Выбирай выражения!

Я щелкнула зажигалкой и подожгла деньги прямо на рабочем столе Захара, вместе с документами:

-- Show must go on!

-- Истеричка!

Мы оба смотрели на пламя. Потом Захар спокойно взял графин и вылил на стол воду. Внутри меня был лед. Я достала пистолет, сняла с предохранителя, взвела затвор... Да, я приехала убить Кругового.

-- Как романтично! – Захар рассмеялся, -- тебе к лицу оружие. Я всегда это знал. Чем умнее женщина, тем больше она делает глупостей. Ты будешь убивать себя или меня?

-- А тебе никогда не хотелось умереть?

-- Нет. Никогда. Но я всегда хотел убивать своих обидчиков. Мне никто не может безнаказанно ставить рога. Тебе понравилась шутка с носорогом? Для тебя, любимая, старался... А теперь принеси мне сока... из холодильника... и перестань, наконец, корчить из себя Мату Хари, Маша. Какая политика? Секс! Секс правит миром. Детские страхи, комплексы и уязвленное самолюбие.

...я действительно пошла за соком. Разливала его дрожащими руками и понимала, что никогда не смогу хладнокровно и осознанно убить человека.

-- Маша, прощай своих врагов - они это ненавидят.
Я ушла от Кругового... слезы застилали глаза и казалось, что ко мне по улице бежит ребенок, протягивает руки, а я не могу его обнять. Этот ребенок – я, стремящаяся к нежности и избегающая объятий, я... уходящая в никуда...

Молитва

Мария молится: ...Я пришла в свою Питерскую квартиру. И стала молиться... впервые... не зная подходящих слов...

-- Я чувствую Нечто, хотя и не могу понять что. Это что-то такое, что я не могу ни запомнить, ни позабыть. А когда мне удастся схватить Это, я не могу его определить. И я счастлива тем, как случилось всё, даже тем, что было не так...

Я хочу, чтобы на моем надгробии написали правду... Я прожила... 3 года 2 месяца 14 дней 12 часов и 4 минуты. Это время, когда я по-настоящему была счастлива... А теперь, позвольте, я улечу... Я буду бабочкой... Одиноким ночным мотыльком. Не бойтесь. Это совсем не страшно. Я никогда не боялась смерти... Мотылек должен сгореть... А вы... вы, Норберто, пойдите на кухню и выключите, пожалуйста, газ... Слишком душно и кружится голова...

Мария берет со стола мандарин, снимает с него кожуру, запихивает в рот и пытается разжевать. Ей не удается это. Она начинает задыхаться.

Из-за кулис на сцену катятся оранжевые мандарины...

30 ноября 2007 – 12 ноября 2008г.

г.Минск

Диана Балько
www.dia-blo.net
Латвийская Республика
LV-1050 г.Рига
ул. Гоголя, 7-7
т. Латвия +371 277 22 830
т. Беларусь +375 29 573 3929
т. Россия +7 917 510 5171
e-mail: diana@dia-blo.net, gentledi@tut.by